

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

В.Л. ВОЙТИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Э. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН
1 9 2 4

С $\frac{47}{488}$

В.Л. ВОЙТИНСКИЙ

ГОДЫ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

КНИГА ВТОРАЯ

НА УЩЕРБЕ РЕВОЛЮЦИИ

~~51-810~~

ИЗДАТЕЛЬСТВО Э. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН
1 9 2 4

— Пропусти одного, мастерового!

Я уже спускался по лестнице.

Сзади уголовные кричали:

— Смотри, убежит, под суд угодишь.

Вдруг я почувствовал, что неправильно несу ведро: я держал его перед собой, на локте, а нужно было держать его сбоку, на опущенной руке. Эта мелочь вызвала во мне больше тревоги, чем вмешательство «шпаны», и я невольно замедлил шаги. Остановился, опустил ведро на ступеньку лестницы, повернулся к уголовным и громко выругался. Надзиратель уселся на свою табуретку и махнул рукой:

— Чего, мол, с них спрашивать?

Я взял ведро, — уже, как следует, — и продолжал спускаться.

На второй площадке надзиратель сразу пропустил меня и передал вниз привратнику:

— Пропусти одного!

Вышел во двор, подошел к творилу с известью, помещал палкой в ведре. Затем, оправив савки за пазухой, пошел на улицу.

Нужно было, как можно скорее, убираться подальше от участка. Недалеке стояла пролетка. Подбежав к ней, я сказал вознице:

— Живо, дяденька! Тут на постройке человека задавило, за доктором надо.

Но извозчик флегматично ответил:

— Куда я тебя, такого белого, повезу? Ты мне весь экипаж спортишь.

Приходилось идти пешком.

Я дошел до Невы, сел на парходик, переехал на другую сторону и прямо с парходной пристани отправился на Лопманский Рынок, где производились общественные работы безработных. Здесь я переоделся: один из товарищей отдал мне свой пиджак и ботинки. Затем, я перебрался к одному

товарищу эстонцу. Покрасил в черный цвет волосы, — и этим окончательно перешел на нелегальное положение¹⁾.

* * *

«Законспирироваться» в Петербурге в качестве нелегального мне не удалось. Меня узнавали на каждом шагу. К тому же, в газетах появилась заметка о моем побеге из Василеостровской части, — кто то из рабочих с Гагаринского Буяна, на радостях по случаю моего освобождения, побегал по редакциям и просил поместить в хронике эту новость. Я хотел, было, письмом в газеты опровергнуть это сообщение, — арестован, мол, не был и ниоткуда не бежал, — но печатать такое письмо, скрываясь от полиции и не имея легального местожительства, было затруднительно.

Пробылся я в Петербурге недели две. Партийная работа в это время замирала, организация все больше разваливалась. Избирательная кампания подходила к концу, но рабочие утратили к ней всякий интерес. Кампания в защиту депутатов втородумцев развивалась туго.

В конце октября я переехал в Териоки. Здесь, в занесенных снегом дачах, жило в то время много нелегальных. Были нелегальные и в соседних селах, — в Куркале, Мустамяках. Я встречался с Лециным, Богдановым, Михаилом Сергеевичем и др. Кроме того, часто заходили ко мне скрывавшиеся в Териоках латыши — лесные братья.

Их было пять человек, все молодые, славные. Но на всех лежала какая то печать обреченности. Всегда при оружии, напряженные, готовые дать отпор преследователям, внутренне примирившиеся с мыслью о неизбежности и близости кровавой развязки.

Со мной они говорили, чаще всего, о том, что партия не может обойтись без боевиков, что Лондонский съезд на-

¹⁾ Из товарищей, арестованных со мной 15-го октября, некоторые были вскоре освобождены, а остальные были высланы на 2 г. в Архангельскую губ.

прасно отказался от дружин, что нужно поднять в партийной печати кампанию за пересмотр этого решения. Раосказывали о жизни лесных братьев в Латвии. А дома с утра до ночи либо возились с оружием, либо играли в дурачки, либо читали брошюрки о Шерлоке Холмсе и Нате Пикертоне.

Я ходил с ними в лес за полотном железной дороги, и там они учили меня стрелять в цель.

От русокой полиции мы были недурно ограждены, так как финны сочувствовали революционерам и покрывали их. Особенно ревностно помогал нам один полицейский надзиратель, финляндский патриот-активист, содержавший гостиницу и кофейню на большой дороге, недалеко от вокзала.

Это был любопытный тип. Его гостиница была местом пристанища русских революционеров, а за гостиницей, в глубине двора, была изба, где собирались финны-контрабандисты, возившие в Петербург шведские спички, пушш, серебро. Хозяина гостиницы, помнится, звали Кока, но возможно, что это было не настоящее его имя, а кличка, данная ему в честь знаменитого в Финляндии капитана Кока, начальника рабочей «красной армии».

Главным образом, через Кока мы и узнавали о приближении опасности. Тогда мы оставляли наши квартиры и переходили в более конспиративные «убежища». Я при тревоге перебирался к одному местному рыбаку социал-демократу, не понимавшему ни слова по-русски.

Шпики появлялись в Терюксах довольно часто, но без результатов. Один раз они совершили нашествие со значительными силами. При их приезде Кока оказался случайно на вокзале. Он обратился к начальнику экспедиции и в повышенном тоне заявил ему, что русским чиновникам нечего делать на финляндской территории. Охранники арестовали его. Присутствовавшие финляндцы запротестовали. Начался скандал. Охранники оказались в нелепом поло-

жении: они приехали ловить русских революционеров, а столкнулись с местной полицией. Кока выпустили. Он обратился к стоявшим у вокзала извозчикам-финнам и предложил им не брать седоками приехавших русских чиновников. Охранникам пришлось идти пешком, а между тем извозчики уже разнесли по селу весть о том, что произошло на вокзале, и мы разошлись по нашим «убежищам».

Но все же на этот раз шпикам досталась кое-какая добыча. Заведовавший техникой большевистского центра Михаил Сергеевич, уходя из дому, забыл взять с собою пачку конспиративных бумаг. А полиция с вокзала отправилась прямо к нему. Произвели обыск, забрали бумаги, опечатали их и сдали на хранение терюкскому «полицейскому комиссару».

Вечером один товарищ сообщил мне эту неприятную новость. Не помню точно, что было в захваченных у Михаила Сергеевича бумагах. Кажется, больше всего тревожили нас находившиеся там паспортные бланки, добытые при вооруженном нападении на какое-то волостное правление.

Когда стемнело, я отправился к Михаилу Сергеевичу. Он был до последней степени расстроен и мрачно молчал. Спросил лишь меня, где боевики-латыши. Я назвал ему адрес, и он побежал к ним.

А утром наши боевики явились к комиссару с револьверами, скомандовали ему «руки вверх», забрали у него взятые накануне при обыске бумаги и удалились с ними...

Эта история внесла некоторое разнообразие в нашу терюкскую жизнь.

Целые дни я проводил здесь за письменным столом, — работал над книгой о движении безработных и об общественных работах в Петербурге. К декабрю книга была гото-

ва. Большевистский центр решил при первой возможности издать ее¹⁾.

В жизни партии за это время произошло крупное событие: 22-го ноября состоялся суд над с.-д. фракцией. Судили депутатов при закрытых дверях. Обвиняемые отказались выступать перед судом, боящимся гласного разбора дела. Ушли с суда и защитники.

10 ч. депутатов были приговорены к ссылке на поселение, 17 ч. — к каторге; к каторге были присуждены также все члены военной организации, судившиеся вместе с депутатами.

В день суда в Петербурге была частичная забастовка протеста. Бастовало до 100 тысяч рабочих. Помнится, бастовал и Путиловский завод.

У нас много спорили о том, правильно ли поступили депутаты, добровольно отдавшись в руки полиции, или они должны после разгона Думы скрыться.

Я находил образ действий депутатов правильным и единственно достойным. Ленин видел в нем бесплодное донкихотство.

Своеобразную позицию занял Алексинский: он представил партийной организации решить, должен ли он явиться на суд, или нет. Организация решила, что являться на суд ему не следует. Тогда он заявил, что подчиняется этому решению, хотя и сожалеет о том, что партия не позволила ему разделить участь арестованных товарищей... В искренность этого его сожаления мало кто верил.

* * *

¹⁾ Печатать ее предлагалось в книгоиздательстве Глаголева, но дело расстроилось, так как издательство подверглось полицейскому разгрому. Надеюсь, что мне удастся еще воспользоваться материалами, которые я собрал в этой книге, и которые не потеряли до сих пор интереса.

По мере того, как приближалась к концу моя работа о Совете Безработных, все острее становился передо мной вопрос о том, что делать дальше.

Ленин уговаривал меня ехать за границу, в Швейцарию, куда собирался перебраться и сам. Он рассчитывал на меня для работы в «Пролетарии».

Меня это предложение не привлекало.

Прежде всего, я не чувствовал себя настоящим большевиком.

Большевизм увлекал меня своей прямолинейной революционностью, своей простотой, своей близостью к стихийным движениям рабочих масс. Меня связывал с этим движением его дух бунтарства, отвечавший моим настроениям и уровню моего развития в то время.

Но мне была чужда сектантская нетерпимость большевизма; я не сочувствовал его приемам борьбы внутри партии и партию ставил выше фракции. На этой почве мне приходилось не раз оставаться при «особом мнении» среди товарищей. И я чувствовал, что, отдавшись чисто фракционной, заграничной работе, я либо должен буду отказаться от своего «я», либо окажусь посторонним в тесно спевшемся, дружном кружке Ленина.

Но еще серьезнее были для меня моральные возражения против отъезда за границу.

Больше двух лет я был агитатором, — звал в партию, звал к борьбе, к стачкам, к восстанию. Теперь из тех, что слушали меня, иные пошли в ссылку, другие сидят в тюрьме, — и я в это время уеду за границу?

В частности, меня останавливала история с солдатским наказом: я не видел оснований упрекать себя за свою роль в этом деле, но считал, что я не вправе уклоняться от той судьбы, которую так мужественно встретили наши депутаты.

Поэтому, я сказал Ленину, что за границу не поеду, не готов принять любое поручение внутри России.

Надежда Константиновна предложила мне на выбор: Баку или Екатеринослав.

В Баку должен был ехать меньшевик С. Д. Вайнштейн. На меня возлагалась задача парализовать его влияние, расстраивать его козни и укреплять на нефтяных промыслах большевистское влияние.

В Екатеринославе предстояло поставить нелегальную газету, а затем связаться с Ростовом, Донецким бассейном, Одессой, Киевом, созвать конференцию и восстановить областную южно-русскую организацию. Задание явно превышало силы одного человека. Но центр обещал направить в Екатеринослав еще нескольких работников.

Я принял предложение ехать в Екатеринослав. Помню: принял его без большого энтузиазма, без уверенности в том, что мне удастся выполнить намеченный план. Решил ехать в Екатеринослав потому, что отъезд за границу считал недопустимым, а в Петербурге работать не мог, — значит, куда нибудь надо было ехать.

Из организации мне выдали паспорт на имя крестьянина Новгородской губернии Андрея Александрова.

Но меня предупредили, чтобы я не ездил через Белостров: местным жандармам дана моя карточка, и я значусь в списке лиц, подлежащих аресту. Обратился за советом к Коку. Он предложил мне проехать в Петербург с контрабандистами по льду Финского залива, и свел меня с рослым флегматичным чухонцем, который подрядился, за двадцать пять целковых, доставить меня до Колпина. В случае встречи с пограничниками, я должен был изображать финляндца, ни слова не понимающего по-русски, и предоставить все переговоры вознице.

Кок и документ соответствующий вручил мне: я значился по нем Николаем Миколайеном, 33-х лет от роду.

В графе профессии было помечено: «аферист», с пояснением в скобках: «разъездной торговец». Когда я заметил, что обозначение профессии мне не нравится, Кок показал мне пачку пропусков на различные имена: профессия всех была одна и та же — «аферисты».

На другой день вечером мы двинулись в путь. Сперва ехали большой дорогой, потом свернули на лед. Была безлунная, звездная декабрьская ночь. В одном месте нам попался конный дозор. Мой возница что-то объяснял дозорным. Я делал вид, будто сплю, убаюканный дорогой. Будить меня дозорные постеснялись.

В Колпино я сел в поезд на Москву, и оттуда поехал дальше на Юг, в Екатеринослав...

* * *

В этом месте, на грани, отделяющей мою работу в Петербурге от дальнейших встреч и скитаний, я хотел бы прервать на несколько минут нить моего рассказа.

Как непохожа была русская жизнь конца 1907-го года, когда я покидал Петербург, на то, что застал я на воле, выдя из «Крестов» в январе 1906 г.!

Тогда, — после декабрьских поражений, — все было еще полно кипения, надежд, ожиданий. Повсюду тлели искры революционного пожара. Шли споры о 47-ом или 49-ом годе. Рабочие, крестьяне, городская буржуазия, — каждый класс по-своему верил в близость обновления русской жизни.

Теперь — все задавлено железной пятой реакции.

Где были те битвы, которые дали победу нашим врагам?

Или не было таких битв, и революция изошла кровью от ран, полученных ею в декабрьские дни, от ран, серьезность которых мы не почувствовали в первый миг, в возбуждении боя?

Три процесса характерны для описываемого периода.